

Die Kleidung von den Mennoniten

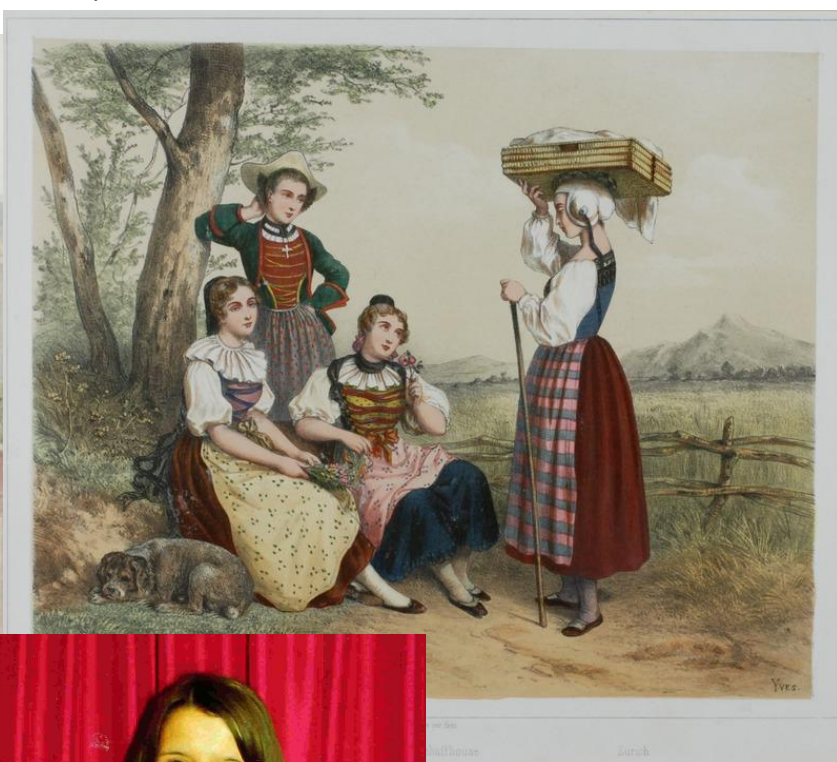
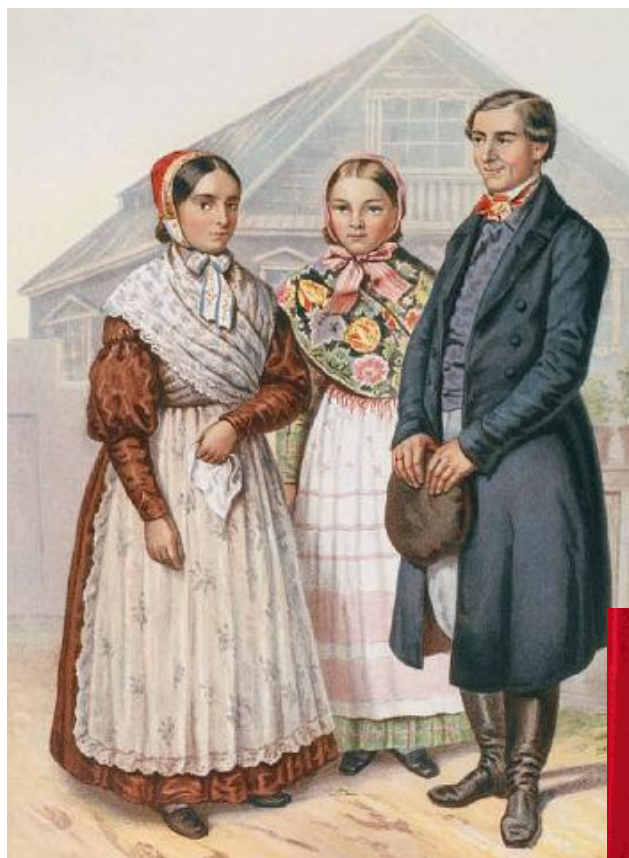
Одежда Меннонитов

Zusammengestellt von Tatjana Klassner. 2016. Bielefeld

Меннониты (религиозная конфессия), им действительно подходит выражение "Народ в пути". Из-за преследований и гонений католиками, протестанты (ответвление от Евангелистов) часто меняли страны в которых проживали. Но и изначально они не однородная масса, а выходцы из Швеции, Голландии, Белгии, Фрисланда. На прусской земле, все люди, выходцы из разных стран, объединённые верой, стали притираться т.е. становится более однородной массой населения. Но и причал в Пруссии был не конечным: затем Украина, Казахстан, Алтай, Оренбург, Волга, Амур, Омск. Поэтому фольклорный национальный костюм просто не возможен из-за прихода из разных земель. Не может быть ещё и потому, что меннониты (именем Менно Сименса, одного из их сподвижников, они стали звать уже позже) никогда особого значения одежде не придавали. Если сейчас заглянуть в историю откуда меннониты вышли, то можно рассмотреть ряд вариантов потерянной культуры одежды. История меннонитов тянется со Швеции.

Вот несколько народных костюмов из этой страны.

Вот фольклорный костюм голандцев, которые тоже вошли в меннонитскую группу:

А вот народные костюмы из северной германии, которые тоже примкнули к меннонитам :

Немного истории

Основная масса немецких колонистов появилась в России в последней трети XVIII — начале XIX вв. В 1764—74 были основаны колонии на Волге, в районе между Саратовим и Камышиним . Этих колоний тогда насчитывалось более 100, так же начали организовываться колонии и в других регионах страны. Одновременно с присоединением к России причерноморских степей и Крыма, возникла проблема их заселения. Правительство под руководством Екатерины II приглашало немецких колонистов для заселения этих районов на льготных условиях. Во времена правления Александра I в 1803 образовалось ещё 134 новых поселений на юге Украины, 17 — в Бессарабии, 8 — в Крыму. В это же время (в 1817—19) возникли и немецкие колонии в Закавказье (в Грузии и Азербайджане). В Россию переселялись преимущественно колонисты из юго-западных земель Германии (Вюртемберга и Бадена, Пфальца и Гессена), в меньшей степени из Баварии, Восточной Тюрингии, Верхней Саксонии и Вестфалии. С конца XVIII века несколькими волнами в Россию — в Причерноморье, а позднее (в 1855—70) в район Самары переселяются также меннониты из Пруссии. В середине XIX века (1830—70) на Волыни поселились немецкие переселенцы из Польши. Колонии под Одессой отчасти создавались немецкими переселенцами из Венгрии, куда они ранее переселились из Пфальца. С начала XVIII века шло также переселение немцев и в Закарпатье. Здесь поселились швабы и франконцы из Германии, а несколько позднее (в конце XVIII века) австрийцы из Зальцкаммергута и Нижней Австрии. В середине XIX века немцы из Чехии и Словакии (поселение Спиша). Для немцев с самого начала их поселения на новых землях было характерно дисперсное расселение, однако иногда они образовывали компактные группы. Высокий естественный прирост привёл к образованию новых анклавов — выселков в Киевской и Харьковской губерниях, Донской области, на Северном Кавказе и в Поволжье.

Одежда немецких колонистов

Народный костюм возник, с одной стороны, по требованию климатических условий данного региона, а с другой стороны - в зависимости от материального состояния и наличия сырья для тканей и материалов. Одежда соответствовала и служила прежде всего развитию сельского хозяйства, домашнего животноводства и бытового хозяйства. мода почти не влияла на одежду немецких колонистов. Наоборот следует отметить её устойчивость и неизменное постоянство.

Из журнала "Volk auf dem Weg" -Народ в пути.

Меннониты одевались просто. Это не означает дешёго и плохо, как говорил мой отец : "Если ты покупаешь костюм, тогда не жадничай, купишь дешёго- отдашь дорого". Немцы знали вкус в одежде, но были скромны. Что молодые девчата любят прихорашиваться нам знакомо, немочки не были исключением. Просто они не должны были в моде выходить из рамок приличия, если кто-то и выходил из этих рамок, то становился предметом усмешек, так как в девушках воспитывались такие моральные качества как например: видеть красоту не в одежде, а в душе, во

внутреннем мире человека. Кто-то точно подметил: „Венику тоже можно сделать красивую облицовку, тем не менее веник останется веником“.

Вышивкой украшалась праздничная одежда. Традиционный костюм женщин состоял из кофты, сборчатой юбки, передника, головного платка, кожаных башмаков. Существовала деревянная обувь "шлёры". Из овечьей шерсти вязали кофты, жилеты, чулки, носки, варежки. Мужской костюм состоял из рубахи, штанов, жилета, башмаков, шляпы. Одежда меннонитов отличалась тёмными цветами и отсутствием украшений.

Мужской и женский костюм переселенцев с Украины начала XX века. Гальбштадт, Алтайского края

Татьяна Класнер, собирательница этого материала:

Исчезновение народного костюма у немцев связано с тем, что как бытовая одежда он перестал существовать еще в XIX в. Еще до переселения в Сибирь немцы использовали в основном покупные ткани, поэтому домашнее ткачество на Алтае было развито слабо и прекратило свое существование еще в первой трети XX в. Сдесь ткали в основном грубые ткани из овечьей шерсти и конопли. Из шерстяной ткани иногда шили платья, а конопляная ткань на одежду не годилась, она использовалась в хозяйстве. Из толстой овечьей ткани ткали половики. Упоминания о случаях льняного ткачества у немцев Алтая являются единичными.

Особенностью меннонитской одежды было то, как они носили одежду, а не как одевались. Количество одеваемой одежды зависело от времени года и температурным условиям. Летом женщины одевали тёмное или с мелким рисунком платье, фартук до полу сверху, тоже тёмного или чёрного цвета, почти как платье. Сзади он завязывался и не имея рукавов. Для каждодневки носили чёрный, сатиновый, а на выход светлый с кружевами. Платье ниже колен стали носить уже в советское время, их стали украшать кружевными воротничками и монжетами. Под платье одевалась сорочка, белого цвета, раньше она была ещё и с кружевами. Вюстгалтеров или лифчиков раньше не было, носили сшитый из ситца лиф на всю верхнюю часть тела. Панталоны женщины -крестьянки в основном не носили, якобы для удобства, да и жарко было летом в Сибири. Ранталоны шились с прорезью между ног, резинку тогда ещё не применяли. а пришивали поясок к панталонам сверху и на крючки закрывали, так же и внизу под коленками. Зимой одевали платье из тёплой ткани: фланели/ байки и как обычно сверху фартук. Под низ одевалась байковая сорочка, потом ситцевая сорочка и байковый лиф. Зимой шаровары, если выходили на улицу в сибирские морозы. Уже в 40 г. стали модными фланелевые лыжники. У мужчин "москвички" - Так назывались полупальто. В 30-40 гг ватные фуфайки носили поголовно, как русские, так и немцы. Они были тёплыми и удобными. Потом, в 50-тые годы пришли в моду плюшевые приталенные полупальто для дам. Первые шелковые, газтовые и капроновые платья. мода всё же хоть и коственно, но имела влияние на меннонитов, судя по фотографиям всех времён. В зависимости от состоятельности того или иного меннонита, одевались соответственно своему окружению. Так же носили папахи, фуражки, военные шапки с козырьком и т.д.

Стоит отметить, что меннониты жили среди разных народностей: казахов, азербайджанцев, молдаванцев и украинцев, но их национальную одежду они не перенимали. Известно, что некоторые блюда из этой национальной кухни готовились и готовятся по настоящее время в немецких семьях. Перенялись и некоторые народные игры и песни этих национальностей, но никаких элементов из одежды этих национальностей не было перенято.

Мальчиков одевали до года в платья. И когда ребятам одевали штанишки уже с шириной -это было большой гордостью и являлось знаком взросления. Первые штанишки тоже были между ног не зашты, для удобства в пользовании.

Штанишки шили с нагрудниками и на лямках, на пуговички не застёгивали, а использовали только крючки. Позже появились уже короткие штанишки с тремя пуговичками сбоку для застёжки. В советское время, уже в 50г модными стали для ребятшек матросские костюмчики на выход. К 9-10 гг уже все мальчики носили длинные брюки.

Девочки носили вязанные в круги чулки. Подкрепляли их широкой резинкой выше колен. Я помню, как они перетягивали кожу, нарушая кровообращение. Кожа принимала в этих местах синюшный цвет окраски. Мы от этого испытывали боль. Девочкам крючком вязали белые воротнички, а платьюшки на груди вышивали. Девочки так же носили эти лифы, что и взрослые и те же сорочки. Бантики для волос пришли намного позже. Волосы просто в косы плели и шнурком от ботинок или тряпочкой завязывали.

Мужчины были не прихотливы в одежде. Простые рубашки с косовороткой или с воротником, однотонные или в мелкую клетку, заправленная в брюки. Самые обычные брюки и ещё пинджаки сверху. Если говорить о ранешних временах, то на выход одевали троечку и шляпу.

Одежду в Сибири люди шили себе сами. Даже если не у всех были швейные машинки, то ходили к мастерицам прошивать рукава и талию, а всё остальное дома уже шили сами руками. Так, к примеру, в селе Полевое, Алтайского края, первый бытовой комбинат или швейная мастерская появилась только в 60 -х годах. Ткани для одежды предпочитали однотонные: коричневые, тёмно синие, чёрные, болотного цвета, в мелкую клеточку или в неброскую полосочку, позже появились уже мелкие цветочки в тканях. Бывало, что женщины, которые зарабатывали пошивом, ходили и по домам, предлагая свои услуги.

Платья носились редко, всё больше юбки с блузами (застёгивающиеся спереди, рукава тоже на застёжке, пуговички появились у меннонитов алтайских сёл уже в советское время). Но очень скромно, без особых выдумок и без резинки. Что не скажешь об одежде меннонитов, проживающих в Украине в 19 веке. Время тоже диктует фасоны, всётаки в бедное и голодное время человеку не до моды. Также накладывало и вероисповедание свои отпечатки на одежду немцев. К концу 19 века, а именно в 1860 г в меннонитской вере произошёл раскол и появилась братская община. В отличие от церковников они были фанатичнее и старались земные интересы и прихоти обходить стороной. Их влияние сильно чувствовалось во всех сферах жизни.

Баркман Андрей Иванович жил раньше на Алтае. Он мне рассказывал, когда брала у него интервью:

"Обувь в разное время была другая. Что касается обуви нашей молодости, это 40-59гг, то можно сказать нам подходит выражение "Босоногое детство". Конечно зимой в Сибири без валенок никуда, но их не хватало, валенки подшивали, голенище латали и была может быть одна безразмерная пара валенок на всех членов семьи. Носили Preustjes- так называлась это именуемое обувью: в коровью или лошадиную шкуру обматывали ноги, сверху через дырочки затягивали шкуру бечёвкой, во внутрь клали подстилку. Ходили так зимой, а в сырое и мокрое время года они намокали и спадали с ног и расползались.

"Чуни" - так называли высокие шахтёрские галоши к которым пришивались брезентовые голенища- (Schachjte) и в них ходили в мокрое время года. Люди, находящиеся в Туле в трудармии работая в шахтах высылали эти списанные галоши к своим в сёла, тем самым помогая родным выжить в это тяжёлое послевоенное время.

Ещё носили Pantoffele-обрезанные валенки, а голенище пускали на подшивку подошвы, они были удобные для работы. Кирзовые сапоги были обувью как для женщин, так и для мужчин. Уже в 50 г пришли в моду хромовые сапоги. Как мы гордились ими, но они были к сожалению только на "выход". Но на фотографиях ещё до советского времени видно, что почти у каждого из наших парней такие сапоги одеты. Их начищали до блеска чёрным обувным кремом щёткой и щеголяли гордо по деревне или селу. Моя двоюродная сестра Анна Левен была в городе Пермь, в трудармии. Когда в 56 году комендатурские с неё сняли и она смогла уехать в эвакуированное место -в наше село Полевое. Анна привезла оттуда туфли, которые она очень берегла и всего лишь только пару раз надевала для выхода в клуб на концерты или танцы. Односельчанки с завистью смотрели на её туфли, хотя сами не умели даже на каблуках стоять, а не то чтобы ходить. В основном эта красота и простояла у неё в шкафу как память о трудармии. А когда дочь подросла они, к сожалению были уже не в моде.

Из книги "Централ" Зузана Изаак

Одежда бедных состояла из грубого домотканного полотна. Многие хозяйки ходили в латанной одежде, на ногах у них были деревянные башмаки - (Schlore) Шлёры. которые они сами мастерили. Подошва деревянная, а сверху из рогожи или кожи обшитый носок, но без пяток. Они громко били при ходьбе об пятку и немцы другого диалекта- Kalnisten их называли"Knaller", что означает- гремит. Зимой одевали валенки, чёрные, подшитые на работу, а на выход у некоторых людей были светлые. Но у нас никто их не катал, их покупали или заказывали в др, сёлах. Рукавички, шали, носки, чулки делали из собственной пряжи от собственных овец. Обычно бабушки латали, пряли, вязали, пока родители занимались хозяйством или шли на работу"

Волга. Лёвен Исаак рассказывает:

"Самарские меннониты-потомки голандских эмигрантов, жившие более 300 лет в Восточной Пруссии носили костюмы не то немецкого, не то голандского направления. Мужчины в будни в кожаных туфлях на босу ногу и в жилетке поверх светло-синей рубашки с отложным воротником. Женщины в основном ходили в тёмносиних ситцевых платьях. На праздники или для посещения церкви, мужчины одевали пальто и пиджак, а женщины шляпки и накидки. Наблюдая за едущими друг за другом меннонитскими фургонами и пролётками вдоль

длинных, прямых улиц села, заставляет вас совершенно забыть, что вы находитесь где-то в глубине степей...

Со своей дальней Родины меннониты принесли с собой чистоплотность, аккуратность, трудолюбие и свою любовь к цветам, к животным".

Кичкас. Музей.

Руководитель: Манякова Татьяна Владимировна

Массовая эмиграция немцев меннонитов в Оренбургскую губернию началась в конце XIX века. Переселенцы из Екатеринославской, Саратовской, Таврической губерний образовали на территории нынешнего Красногвардейского района села: Красиково, Подольское, Кутерля, Луговское, Калтан, Плешаново, Богомазово (Токское), Юговка, Донское, Долинское, Ишалка, Клинок.

В нашем Красногвардейском районе в селе Подольск есть народный музей. Жители нашего района и мы, школьники, очень любим посещать этот удивительный дом старинных вещей, который рассказывает о быте и традициях нашей земли. А хранительницы этого музея: директор — Валентина Эдуардовна Сизикова и экскурсовод-смотритель — Шмелева Людмила Викторовна.

Пройдя по комнатам музея, мы вошли в Немецкий зал, где хранятся вещи и предметы, сохранившие теплоту и историю прошлого. Старинная раздвижная кровать, детская люлька, секретер, шифоньер, комод и много другой утвари, посуды, всяких вещей, которые мы видели в первые. Нам показали старинные платья и нижнее женское белье расшитое в технике "решелье", подзорники на кровати связанные крючком, какая тонкая работа. Такое платье могла носить моя бабушка и прабабушка.

.....В деревнях не носили корсетов, но силуэт женской одежды был приталенным.

Блузки шились "в талию", могли быть отрезными по линии талии, с баской. Застежка делалась спереди, по всей длине блузы, застегивалась на пуговицы.

Рукава были втачными, имели соборенный окат, к низу рукава пришивался манжет. Воротник чаще всего шился стойкой. Поверх блузы женщины носили безрукавку (Weste) в тон верхней юбки.

Отличительной особенностью немецкой одежды было ношение женщинами нижнего белья: нижних длинных рубашек, нижних длинных юбок. Такие длинные лифы шили также и детям: к нижней части лифа пришивали резинки, которые пристегивались к чулкам, чтобы они не спадали. Нательные рубашки и женское белье было вышито в технике "решелье"

Женская одежда немцев меннонитов отличалась всегда своей практичностью, обычное платье с помощью кружевного белого воротничка и манжет становилось праздничным. Кружево вязали из хлопчатобумажных ниток крючком. Чаще всего нитки были белого цвета, но, например, украшение на голову вязали из ниток темных цветов. Кружевом украшали все: белье, блузки, платья, юбки, чепцы, фартуки. Детям вязали большие кружевные воротники.

Праздничная одежда от будничной отличалась не покроем, а тем, что шилась из более дорогих тканей, богато украшалась, была новой. Потом ее донашивали дома, часто перешивали на детские вещи. Маленьких мальчиков до 3 лет одевали так же, как и девочек - в платья и чепчики, а более старшим, шили рубашечки и штаны на лямках, которые скрещивались на спине, а спереди пристегивались на пуговицах.

Девушки носили платья приглушенных тонов, волосы украшали лентами. Женщины закалывали волосы гребнем с бантом или кружевами. Замужние женщины носили на голове платок, обязательно, это было их отличительной чертой с тех пор, как им повязывали платок на свадьбе. Одежда замужних женщин была черная или очень темных тонов. Среди женщин среднего и пожилого возраста большой популярностью пользовались сарафаны неотрезные по талии, под низ также одевалась блуза, в праздник белая или очень светлых оттенков, если повседневный сарафан, то блуза соответственно была темных тонов. На голову надевался чепец с завязками, передник соответствовал ему по цвету. В воскресенье в церковь старались надеть платье черного цвета и также черный платок (Douk).

Свадебный наряд невесты состоял из длинного черного или темно-синего суконного платья, приталенного или с поясом. Юбка была достаточно широкая. Из-под подола выглядывала темная нижняя юбка, в тон платью. Верхняя часть платья представляла собой облегающий, полностью закрытый под горло лиф, украшенный кружевом в тон платья. Ворот украшался белым атласным или кружевным воротничком. Белый или цветной венок украшал голову невесты. Фата также была белого цвета, или прозрачная и украшена по краю и низу красивой вышивкой ручной работы. Правда венок делался из парафинных цветочков, которые свисали даже на грудь, и он весил до 3 кг. Невесты после свадьбы всегда жаловались на боль в затылке. Через грудь тянулась зеленая цветочная грилианда и до низа платья. Со временем и цвет свадебного платья менялся, есть фотографии позжего времени где и розовые, кремовые, голубые платья были, а уже после 50гг стали одевать белые свадебные платья.

Из обрядовой одежды наибольшая сохранность характерна для элементов - символов свадебного обряда. Это свадебный венок у невесты и цветочная розетка с лентами на лацкане пиджака у жениха. Свадебный венок является символом чистоты и непорочности, его могла надеть только "честная" невеста. Цветы для венка делали из воска или парафина, крепили на проволочный каркас (раньше для этой цели использовали свиную щетину). Раньше венки были очень большие: высокие как корона, и по бокам цветы спускались на плечи. К венку крепилась белая фата. Цветочная розетка у жениха также была крупной, а ленты были такими длинными, что волочились по земле. В 1950-е годы венок невесты и розетку жениха начали заменять цветами из ткани, гирлянда иногда заменяется вышивкой гладью. После свадьбы часть алтайских немцев укладывала комплект украшений в специальный ящик со стеклянной передней стенкой и хранила в течении всей жизни.

В погребальной одежде преобладают черные, темные тона. Если человек умирал неожиданно, то его могли похоронить в обычном костюме, но чаще всего погребальную одежду припасали заранее, особенно старики. Участники экспедиции наблюдали похоронный обряд, когда покойница, пожилая женщина, баптистка, была одета во все черное: черная блузка, черные чулки без обуви, что означало, душа пред богом босой должна предстать и черный платок, завязанный узлом под подбородком. Однако если умирает молодая девушка или неженатый юноша, их одевают в свадебный костюм, и детей в белую одежду, девочкам одевали веночек, (невесты бога.)

Вспоминает **Людмила Федоровна Фрезе**: в 60-70-тых годах платье невесты по подолу, венки невесты и розетка в лацкане пиджака у жениха украшались вьющимся аспарагусом.

Женщины носили над складчатой юбкой блузку тоже тёмного цвета, этот цвет был характерен замужним женщинам. На голове чепчик с завязками, передник соответствовал ему по цвету. Иногда волосы закалывали гребнем или бантом чёрным или кружевами. Популярны были блузы с буфами. Костюм представлял собой единое целое из широкой юбки и блузы под горло с узкими рукавами. Юбка состояла из 4, 6 или 8 полотнищ сотканых в ручную из конопляной или ручной пряжи. юбки делали и плессированные и в форме колокола. Нательные рубашки и женское бельё было вышитое. Девушки носили платья приглушённых тонов, волосы украшали лентами.

Характерной деталью у мужчин был жилет. Жилеты были разных оттенков тёмного цвета и из ткани разных структур, в зависимости от предназначения, но всегда были украшены большими блестящими пуговичками. В летнее время носили шлёры-башмаки изготовляемые в колониях, на деревянной подошве и с кожаным верхом. В них ходили все, от мала до велика. Это была очень грубая и жесткая обувь. Шили сандалии и сапоги. Для учеников делали красивые школьные сумки из кожи или плотной ткани и обязательно вышивали. Делали тряпочные сумочки с вышивкой, светлые, чтоб еду на пашню взять, для детей, куда кульки класть новогодние, носовые платочки, с выбивкой или вышивкой с инициалами детей. Вышивалось и постельное бельё гладью, мережкой, крестиком, гусиными лапками или вшивали кружева, также рюшечками обшивалось."

Одежду рабочую и для дома шили сами, особенно девушки, этим она показывала своё мастерство перед женихами. А праздничную шили нем. мастерицы которые были в каждом селе. Свадебные наряды и одежду для умершего так же заказывали у мастеров, поскольку она должна была быть красивой, с вышивкой, выбивкой, и из дорогой ткани.

Нелли Ноуфелд. Оренбург

У нас считалось немецким костюмом почему-то белая блузка и чёрная юбка. На свадьбу одевали, те кто варили белые фартуки с кружевами. Наuben-чепчики на собранный в роллик косу, привезённые ещё из Пруссии. Под одеждой женщины носили Schlearzbetjze, для удобства, с рюшечками, ниже колена, Kniestrumfe-чулки до колена с бубенчиками (Met Tolle). Рюшечки были и у сорочки (Unjarock) и чем больше девушка хотела замуж, тем больше выглядывали эти рюшечки из под платья, тем тоньше была работа, тем больше она славилась умелицей. После войны культура почти вся потерялась.

Одежда делилась на: Hochsendachsche, Sendachsche, Auldachsche, Oabedstjleeda.

Одежду на выход держали в „Kiste“сундуке. Мужчины носили чёрный костюм и "Wast"-троечку. Мать ещё до конца ходила на собраниях с чёрным бантом в волосах. Дорогие вещи не стирали, а только просвежали или чистили.

Татьяна Классер. Altaj

Моя бабушка привезла с собой из Украины, когда эвакуировались, своё тёмносинее свадебное платье из дорогого материала и свой венок. Так оно и пролежало у неё все последующие 40 лет до её кончины. Она иногда доставала платье чтоб проветрить и опять аккуратно складывала обратно в сундук. Даже в

тяжёлое военное время бабушка не променяла его на хлеб или еду, значит она этими вещами очень дорожила.

1970-е гг. Село Гляден. (опубликованное в местной газете)

Суровый климат Сибири привел к появлению у немцев зимнего комплекта одежды, многие элементы которого были позаимствованы у местного населения. Но случилось так, что многие вещи немцы стали делать лучше, например, валенки. Способ изготовления валенок (в Сибири их называли "пимы") был заимствован немцами у русских, а те, в свою очередь заимствовали валяную обувь у тюрков или коренных народов Сибири - алтайцев. Так как никакая другая обувь не сравнится с валенками по удобству и теплоте в суровые сибирские зимы, они настолько прочно вошли в быт немцев, что многие из них считают валенки своей традиционной немецкой обувью. "Оказывается, русские тоже пимы катают!" - такое выражение приходилось слышать от информаторов неоднократно. Такому широкому распространению валяной обуви способствовало и то, что немцы Алтая занимались овцеводством, поэтому сырье для валенок - овечья шерсть, всегда было в избытке. Пимокаты - кустари были почти в каждом селе, а в Некрасово, Подсосново и в Шумановке были пимокатные мастерские. Принцип изготовления валенок: овечью шерсть чистят и чешут. Затем её начинают "валять", "катать", т.е. сырьё становилось меньше в объёме и более плотным. Для этого шерсть наматывали на круглый барабан с валиками, или били металлическими прутиками. Потом сырьё попадало в специальные мешки "варят" в горячей воде. Потом снова "катают", вырезают основу, одевают на колодку, сушат и "жарят" на огне. Таким образом кустари могли изготовить в день не больше одной пары валенок. В качестве верхней зимней одежды использовались верхние овчинные шубы или полушубки. Овчину (или другие шкурки от сусликов, кроликов, коров и свиней) выдeldывали и в сёлах. Шкуры смазывали определённым жидким тестом сворачивали и оставляли на -4 дня. Это нужно было чтобы шкуру отделить от жира и остатков мяса. Потом её теребили, скоблили, вымораживали и сушили на специальных каркасах. После такой обработки она становилась мягкой и чистой. Из неё шили шубы, мужские штаны (мехом во внутрь). Шубы могли и покрасить или тканью обшить.

1970-е гг. Село Николаевка. (опубликованное в местной газете)

Зимой носили много вязанных вещей из овечей пряжи: варежки, носки, жилеты, свитера, кофточки, гольфы, платки и шали. Мужчины носили шапки-ушанки из зайца, кролика, овчины, цигейки, каракуля, Рукавички шили из меха, хотя всё зависело от имения того или другого, или тех же денег для покупки. Дети-мальчики одевали под шапку ушанку ещё платок. Женщины, зимой, накидывали на платок ещё шерстяные пледы, с бахромами. А у девочек шерстяные платки завязывали накрест через грудь, узлом на спине под лопатками. Шаровары детям шили из полотна "Techj" **Владимир Меизер**

Село Гальбштадт. (опубликованное в местной газете)

Отличительной особенностью немецкой одежды было ношение женщинами нижнего белья: нижних длинных рубашек, нижних длинных юбок, лиффов - они были длиной ниже ребер и сзади застегивались на пуговицы. Такие длинные лифы шили также и детям: к нижней части лифа пришивали резинки, которые пристегивались к чулкам, чтобы они не спадали. Повседневную одежду чаще всего

шили в домашних условиях, используя покупные ткани. По воспоминаниям Елизаветы Гиберт из Гальбштадта, за тканью ездили в Орлово, где была большая лавка.

Мужской и женский костюм начала XX в. Ткани предпочитали темных тонов: черный, коричневый, болотный, в крупную клетку или полоску. Повседневную одежду часто шили вручную. Те женщины, у которых были швейные машины, часто ходили по домам и шили на заказ.

1996 г. Село Шумановка. (опубликованное в местной газете)

В домашней обстановке немецкие женщины очень редко носили платья, а в основном - блузы и юбки. Юбки имели длину до щиколотки, выкраивались из прямых полотнищ, собиравшихся по линии талии. К юбке пришивался широкий пояс. Верхняя юбка шилась более длинная, чем нижняя. Ее подол мог украшаться кружевом или оборкой.

1920-е гг. Село Гляден. (опубликованное в местной газете)

Дома женщины носили фартуки. Они были прямые, соборенные, сзади завязывались на бант. Обычно фартуки шили черного цвета, но для воскресных дней - белые. Нарядный фартук мог быть с грудкой, на лямках. По краю фартука пришивали оборку, а на груди вышивали инициалы хозяйки.

Мужчины носили брюки и рубашки, покрой которых менялся незначительно. Некоторые информаторы упоминают о том, что раньше были в моде рубашки очень широкие, которые носили на выпуск, подпоясав ремнем, или, что были модны рубашки из ткани с рисунком "в клетку". Воротники упоминаются и отложные, и стойкой, брюки - широкие и узкие, пиджаки - длинные и короткие. Видимо все эти детали зависели от требований моды и не имели отношения к традиционной одежде.

1958 г. Село Хорошее. (опубликованное в местной газете)

Основной верхней плечевой одеждой мужчин являлся черный или темный однобортный пиджак. Изредка на фотографиях в качестве праздничной одежды можно встретить двубортный сюртук приталенного силуэта доходящий до колен. Брюки шили из той же ткани, что и пиджак, умеренно широкими, стрелки не заглаживали. Это было характерно для всей первой четверти XX в. и составляло отличие от чисто городской традиции. Иногда мужчины носили короткие брюки, которые чуть ниже колена застегивались на манжет. Такие брюки носили с вязанными чулками. Поскольку традиционный немецкий костюм в полной его форме не сохранился, национальная специфика проявляется прежде всего в деталях, отдельных элементах одежды.

Елизавета Штоль рассказала, что свадебные платья белого цвета шьются только сейчас, а раньше было по-другому. Ее мать выходила замуж в черном платье с длинным рукавом и только фата у нее была белая (возможно, это особенность костюма меннонитов, у которых вся одежда была черного цвета), сама информатор выходила замуж в платье кремового цвета. На голове женщины носили бант - Eis, шишку - Schops, мужчины - фуражки, картузы.

1950-е гг. Село Гришковка. (опубликованное в местной газете)

Вышивкой украшали в основном праздничную одежду. Вышивали обычно воротники, манжеты или узор на груди. Традиционной для немцев считается вышивка гладью, но, начиная с 1950-х годов, очень популярной является и

вышивка "крестом". Основные сюжеты вышивки - цветы, птицы, изречения, монограммы. Цвета использовались яркие, сочные, контрастные или в другом варианте - вышивали белыми нитками на белой ткани. Праздничная одежда украшалась также множеством оборочек. Праздничную одежду чаще шили портнихи. Например, Елизавета Штоль, украинская меннонитка 1920 г.р., рассказала, что у них в доме снимала комнату женщина-портниха. В 1936 г. работы в колхозе было мало, и всех желающих отпустили, в том числе учиться на портних. Так как эта женщина не хотела идти в колхоз, она выучилась и шила на заказ. За шитье она брала довольно дорого, так как ей нужно было платить большие налоги. Так же дорого стоили и услуги сапожника, поэтому новую обувь одевали только по праздникам, а в будни носили шлеры, а дети вообще бегали босиком.

Мейцих (Эрбис) Паулина, портниха. 1960-е гг. Село Михайловка.

(опубликованное в местной газете)

"Шлеры" носили круглый год и одевали вместе с чулками или даже поверх другой обуви. Шлеры мог изготовить любой мужчина, но чаще их делали специальные мастера или профессиональные плотники. Для подошвы шлер брали заготовки хорошо просушенного дерева-тополя и вырезали пластинку толщиной 3 см. по форме ноги с небольшим каблучком. Подтреугольный носок выкраивали из одного куска кожи. Преимущество отдавали телячьей коже. Носок иногда переходил в небольшие бортики, которые доходили до середины подошвы. На место соединения носка с подошвой накладывали полоску кожи и прибивали гвоздями с небольшими шляпками. Шлеры продолжали носить вплоть до 1950-х годов, Из-за этой обуви окружающее немцев население дало им прозвище - "шлеры".
Вспоминает **Татьяна Петровна Янцен**: мы, дети, все лето носили шлеры. В селах даже проводили соревнования – бег в шлерах. Сегодня шлеры иногда можно встретить в немецких домах, хотя их перестали изготавливать.

Семья портного. 1960-е гг. Село Елизаветград. (опубликованное в местной газете)

Таким образом, немецкий народный костюм, сложившийся в конце XIX - начале XX века в русле общеевропейских тенденций развития одежды, сохранял в себе ряд самобытных черт вплоть до 1930-х годов. В дальнейшем традиционный комплекс одежды был почти полностью утрачен, сохраняясь в отдельных элементах лишь в обрядовой одежде.

Одежда немецких колонистов на Фотографиях

Шлёры. деревянная обувь меннонитов ещё до 59 г. Учитель сидит на ступеньках школы в Шлёрах

Меннониты староверы в Америке

Меннониты в Америке

Меннониты в Германии, их можно везде узнать

Анжеровка, Оренбург. Фамилия Дик 1917-1918. Фото А. Реимер

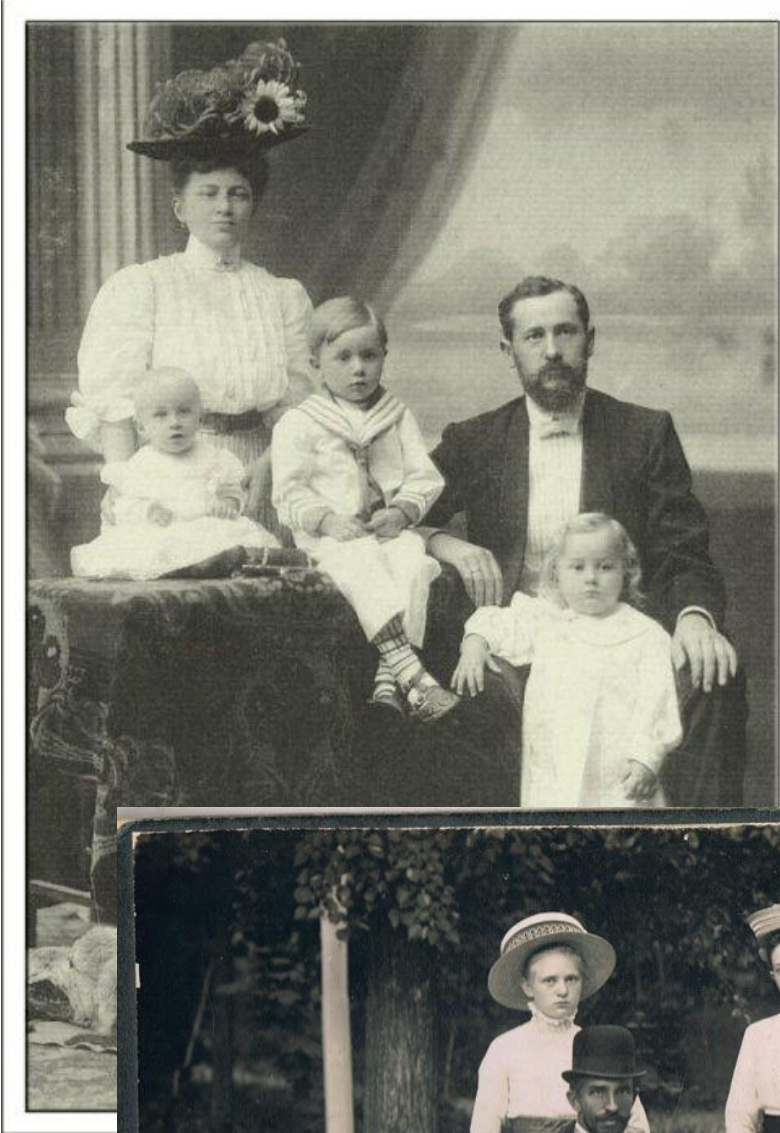
1. Анна Винс (1859.Бирсхорст, Западная Пруссия-1884 Лысандерхёх, Ам Тракт)
2. Анна Еннс (Вибе) 8.02.1837-18.11.1919

Обе фотографии из архива Вилли Фогт

Неизвестное Фото

Фамилия Дитрих Тиссен 1908 Фотоархив Вилли Фогт

Фамилия Хардер 1903-1904. Фотоархив Вилли Фогт

Неизвестное Фото

Неизвестное Фото

Неизвестное Фото

Катарина Классен_1801-1886 Архив Тиссен (Здесь просматривается фольклорная одежда Швеции.

Мария Бахман- Гозбрехт 1900 Фотоархив М.А.Фризен

Архив Х. Бергман

Фамилия Петра Ремпеля. 1890 гг

Дитрих, Агнес Езау

Dietrich & Agnes Esau (geb. Martens)

© Tissen-FC

Неизвестное Фото

Кинас Вилхелм и Паулина Волстейн. Хофентал.
Самара. 1900г Атхив Лина Унру

Lehrer Kornelius P. Bergmann
(Drosander — Pseudonym)

1. Аганета Лёвен (Тярт) 1884-1946. Халбстадт
2. Елизавета Пеннер- Мартенс и дети 1881

Катарина Варкентин. Сорочинское, 1911 Зимняя одежда Архив Вилли Фогт

Зимняя одежда Архив Вилли Фогт

Полушубок. Алтай. нем Р-н. 1980г

50 годы, сельские пацаны.

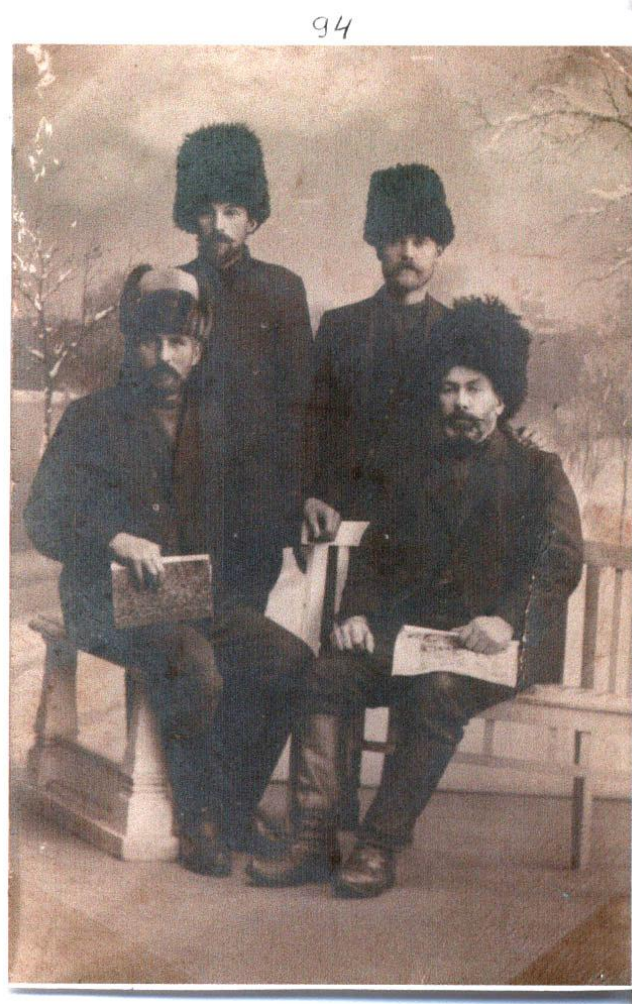

Давид Иванович Винс 1882-1965. Плешаново. Ной Самара

Fam. Rempel 1909

© Classen & Co

1. Хеинрих Фризен. Лесное Алтай Архив К Фаст
2. Алтай, Лесное. Архив Бергман
3. Регер Франц 1876 сидящий с книгой Николаевка

Ленинопольская молодёж в киргизской нац. одежде

1913г Фризен Хортица
Пионерская форма 80г Алтай
Дети Петра Дик с. Полевое Алтай
Архив Х.Бергман

Мариа Баман, Якоб Федерая 1890. Халбстадт Свадьба

Паругвай 1930. Янцен Франц Петрович и Еннс Хелена Францовна

Фотоархив Мариа Еннс
Алтай, 1930г Алтай Рейнфелд Архив Александр Бекер

Андрей и Елена Берг(Нахтигал) послевоенные годы Алтай. Архив Т.Класснер

Молодые
поварихи
на свадьбе

Татьяна Класснер руководительница фольклорного ансамбля из с Полевого, Алтайского Края. С обрядом "Свадьба"

И её группа состоящая из 30 человек

Группа "Лерхен" уз Редкой Дубравы Алтай, руководительница Мария Тейхриб

Одежда наших прабабушек (19-20вв) сшитые Линой Унрау, презентируются на „Plauttdietsche Noumeddach“ в Круфте (Тина Ведел)

Моя Мама, Лина Унрау, всегда ещё была влюблена в одежду её бабушек, фотки которых она ребёнком уже разглядывала. Она говорит: „Так как бабушка и дедушка одевались, красота, выше всяких похвал“. Вы наверное знаете, тогда одежду шили к определённым событиям, это к свадьбе, к крещению, в церковь, к похоронам, так же на работу и на выходные. Старые фотографии чёрно-белые, и нельзя разглядеть в каких цветах одежда. тут только догадываются можно, ведь мы знаем, что ярких красок не было, всё скромно должно было быть. Мама говорила, что сшитая одежда на живых людях приобретает сразу новое дыхание. Родилась мама Лина Унрау в деревне Клинок, Оренбургской области Одежду она шила с фотографий своих родных и родственников

Работы Лины Унрау

Меннонитская одежда шитая мастерицей-швейей Линой Унрай (Im Museum Detmold)

Свои работы Лина Унрау подарила музею в Детмолде

Это школьная форма, которую носили наши дети, да и мы сами в школе

Chor von orenburger Deutschen. Chorleiter- Nelli Neufeld

Это голландская деревянная обувь, они родные сёстры нашим Шлёрам. Эти деревянные башмаки раздеты и остались в прошлом, началась другая Эпоха, другая жизнь. Но мы не забываем о нашей меннонитской ветке, о наших предках, которые были не как все, а с др. стороны такие же люди, строящие своё счастье на земле. Я бы хотела, чтобы наши потомки с благодарностью вспоминали прошлое. Следы, которые оставили после себя наши предки- меннониты, весомые и добрые следы. И сегодня ещё на экскурсиях в Польше по замкам вспоминают Меннонитов с благодарностью. Набожный и трудолюбивый народ нёс добро.

Erzählungen über Kleiderstücken:

Een Dentjmoul verrem Schalldouk.

Peter Rempel

Wann etj wud Jelt habe, wud etj fe Ouma ea Schalldouk een Dentjmoul stahle weale.

Etj kaun mie Ouma ounne Schalldouk goa nich vea stahle. Dee haud emma eent aun. Aum heilje Dach uk aum Fehouwemd uk ennem Woatjeldach Eandad sich blöus de Foaw . Na jo, wann se eam porre we en must wu han goune, dreid se daut Schalldouk oppe lentje Sied en weh se uk aul reid tem rahne. Op een Schalldouk hild see om dollsten. Daut we aul jefletjt, vewosche en ütjeplatjt, daut Zeich deed sich aul op Stede derchschiene, ouba oumas Haunt hewd sich nich daut Schalldouk rüttöuschmiete, bat de Tjinja daut nich stelltjes em Ouwe schmeete, waut Ouma schwoa nuchea vekraufte kunn.

Schalldetja worde jeneit breet rommem Rock, daut daut Tjleed hinje meist nich töu seene we, met ein Liefsteatj. Dee latzte Tiet mouke se tem unjaschte Schalldouk noch buwe een Schlaubtje doa töu ouba de haude teene Droabenj, de Atje worde met Schpahle aunem Schullastetj aunjeschpalt. Söu hild sich daut Tjleed ne gaunze Weatj rein, Daut Schalldouk word ewa Meddach ütjetjweddat, tem daut dreje de Somma - brukt nich wehl Tiet, en dann deend daut wieda.

Daut Schalldouk deend fe aules, ne de Laufte musst goune, de Tausch nich mett, jintj daut Schalldouk eam jebruk, de unjaschte Enja aune Siede vonne Tjnehp aunjebunge, söu we de Tausch uk aul reed, en daut hild segoa 10 kile Povidlo üt. Em Veagoade weede - daut Graus verre Köu kaum wada em Schalldouk .

Fe Sindach haud see een striepjet Schalldouk. Oppe Tjast druch see, aus Koaka, een wittet Schalldouk.

De Tjinja daut Jesecht en de Nehs jewescht, de Jalmere üttem Goade met Krüt rein jerewe en de latzte stricha mouk daut Schalldouk. Noch söu scheen schmatjt dee Jalme von Ouma.

Daut Schalldouk wescht Schweet unja de brejende Sonn, wescht daut schwoate Jesecht noum Koule aufloude, wescht de Desch verrem ähte rein,

Öuma naum de Eija üt eannem Schalldouk, doa kaume de tliene Tjitjel nenna vonne Klouk, doa kaume uk de reboba Prieschtje nenna, aus Ouma ons dee brocht tem een beht vewahne büte biem spehle .

Aus Ouma Taunte Sara troff met ea niejet Schalldouk, daut ischte waut see froug-" Wöu wehl kostet dien Schalldoukszeich ?"

En de Trumf te aulem we: Öuma trock ea Schalldouk segoa aus wie ne Dietschlaund foure aun. En Scheremetjewo troff wie noch Öule Frühes met Schalldetja, en dann meend Öuma, "dee

weale jewess noch waut ennteepe goune". De Dietsche wehre seeja spoasomm, en ditt Schaldouk holp den daut schwoare Lewe ewastoune.

Fe mie es daut Schaldouk een Dentjmull aun Öumaschtiet.

Schaldouk

Frejoa haude onse Muttasch aula Schaldetja omm, aum Woatjeldach. Oune daut Schaldouk tjenn wie ons onse Muttasch nich dentje. Daut Schalldouk we seeja gröut. Nich söu aus nü, een tjlienet wittet Fletjstje met Spetze besaht. Daut Schaldouk we jevenlech vom striepjem Zeich, met feine lichtbleiwe Striepe. Mettem Schaldouk weschten de Muttasch emma de Tjinja ähre Näs see naum sich doa töu daut Schaldouk nich auf, ouba deed daut mette oarachsche Sied, söu kaum daut naute emma nou benne. Uk Tjinjatroune worde doamett aufjewesch, en dehn gauf daut irjenmoul. Eemmoul aum Sindach met vehl Jast sacht eene Mutta töu ea Tjint " Komm etj woa die de Näs wesche". "Dü hast je tjeen Schaldouk omm" säd daut Tjint tridj. (Aum Sindach druge de Mumtjes nich Schaldehtja).

Ean dem Schaldouk jintj de Mutta uk em Heenastaul, Eija ütne, üttem Jemiesegoade hould see Peetazealj, Gurtje, Jalmeare, Lodetj, en aundret aules ean ea lieblenjs Schaldouk. Daut woat segoa ewa eene schlachte Wehtsche jesacht: "Waut de Maun mettem Ladawoage nenn brinj, dracht de Früh mettem Schaldouk rüta". Joa, daut Schaldouk we ve aules te brucke. Eam Somma muste sich de Tjinja too Nacht de Feet wausche, wils dee rande dem gaunzen Dacht boaft romma, Tem dee rein tjrieje reewe dee met Kukurus Sreanj ouda Sonneblöumeschiewe de Feet. En tem aufdreje gauf de Mutta ditt Schaldouk. In Nachts, wenn se aula schleepe weascht see pienech ähre Troune met dem selwjen Schaldouk, wils Maunshenj wehre nich doa töu beaun. En Usache tem hiele haud see jenuch, ean dee schwoare Tiet met eenen Klaumpe Tjinja. Schod daut de Schaldetja aufjekoume send, daut we een Deel von onse Mutta.

Winnipeg. Monitoba. D. Neudorf

Между вчера и сегодня

*Я вывешу на солнечном луче свои невыплаканные слёзы сушить,
где уже трепещутся на ветру как выцветшие флаги картины-
памяти с праздника, который приближается уже к финалу.*

Солнце катилось в глубину неба и по-матерински заботливо прогревало маленькую деревушку, каждую завядшую травиночку, высвечивало каждую облупленную помазку на стене дома, что каждый год по-новому мазалась и белилась, охватывало каждую хворостиночку и листочек в посадке, которые позволяли себя прогревать после холодной сибирской зимы. Солнце грело,

освещая широкую степь, где изредка проглядывались берёзовые колки и бесконечное голубое небо. Прогревало плодородные поля с мягким, жирным чернозёмом. (Если в этих краях дождь - то как из ведра. Если буран - то неделями. Если ударял мороз - он обжигал дыхание и вся округа звенела в студённой тишине, иногда пробивалось громкое потрескивание телеграфных столбов.) Солнце жарило кожу в позолоченный цвет и растапливало толь на крышах. Вкусная вода в колодцах шла прямо из земной артерии. Звёзды с неба опускались так низко, что невольно вспоминаются пасущиеся на лугу телята со звёздочкой на лбу

Это всё мы называли Родиной.

Да, да, моя милая малая Родина, где каждый каждого знал. Там даже дворняжки ходили, друг к другу в гости. Где один бык на всё стадо, где один кабан на всё село. Хлеб таял во рту, масло жёлтое - как жёлтые лесные цветы, снег - как пух. Земля потела и дышала, в росе купались птички. Краснощёкие помидоры брызгали соком, пузатые жёлтые тыквы лениво лежали под солнцем в огороде. Наш доктор - полынь, настой лечебной травки - наше вино, а корень солодки делал нашу жизнь слаще. Нежный запах со степей и с маминого стола, был нашим раем.

Моя деревня...

Она и сегодня навещает меня во снах. Утром просыпаюсь на подушке, мокрой от слёз, хотя с момента расставания с ней прошло немало времени. Ты стоишь перед моими глазами, напоминая мне о моей юности. Деревня моя, мы с любовью тебя разглядываем на старых фотографиях из России. И хотя мы переехали «домой» к нашим корням, наше сибирское село продолжает жить в нас и с нами.

Домой?..

А что же тогда наша деревушка? деревенька? село? Где земляничка сама в рот просилась, где цветы в окно заглядывали, где птицы меня будили. Разве не это мой дом? Уже с утра солнце там всех приветствовало, а на прощание оно заглядывало ещё раз из-за угла в наши окна. И каждый знал, что это чудо тепла завтра вернётся к нам снова

На пороге сидит бабушка, точнее говоря, то, что от неё осталось. Её худые руки лежат на острых костлявых коленях. Они теребят старый, выдавший виды, перенесший немало на своём веку фартук. Он преданно служил ей полотенцем, чтоб детям лица и носы вытирать, и жаропонижающей рукавицей, когда она вынимала из печки душистый хлеб. Сорванные в огороде овощи она тоже складывала в фартук и он становился сумкой. Он был предметом первой необходимости при закупках и был совершенно незаменим, как защита от мух и комаров. Бабушка нуждалась в фартуке и в обычные дни, и по воскресеньям, только цвет его менялся с тёмного на светлый. И сейчас руки нуждались в нём, теребя его, чтобы успокоиться.

Лицо отрешённое. Она витала где-то в прошлом. Усталый день покоился у неё на устах, губы плотно сомкнутые, закаменелые. Волосы спрятаны под чистым ситцевым платочком, только длинные сморщенные мочки ушей выглядывают из-под него. Концами платка, завязанными под острым волосатым подбородком, она вытирает слезящиеся глаза. Западшие и выцветшие немигающе смотрят куда-то вглубину себя. Она могла бы много чего рассказать, да кто только это слушать захочет, у каждого свой высоко гружёный воз.

Как всегда и каждый день прокручивается в ней лента жизни. Тяжкое детство, когда корочка хлеба была сладчайшим лакомством. Война и трудармия, где живым остаться было уже великим счастьем, где от её вынуждено оставленных на это время пятнадцати детей, выкарабкались только четверо. Мужа забрали в тридцатые годы, и никто не знает, где он покоится, какая земля его вместо неё обнимает.

Слёзы становятся всё крупнее, платок уже не успевает их вытирать, их уже ловит старое выцветшее платье, которое надевать, может и не было надобности, но оно всегда так нравилось её мужу в то давнее, хорошее время, когда они с ним много смеялись и были так счастливы. А потом, чтобы не сойти с ума её спасала только работа.

Деформированными ревматизмом, трясущимися костлявыми пальцами она убирает выбившиеся из-под платка белые волосы и вытирает покрытые туманной плёнкой глаза. Вздутые чернильные вены разрисовали в тёмно-синий цвет тыльную сторону руки. Кожа её прозрачная и потресканная, сухая и тонкая. Эти тяжёлые руки, уставшие от тягот жизни, лежали сейчас на коленях и нежились под последним теплом заходящего солнца.

Вечернее солнышко делало это охотно, кто знает, нужны ли будут этому сухому телу его тёплые лучи еще завтра.

Вдруг на соседнем дворе тишину вечера разрывает неожиданно громкий визг гармошки. Она плачет и смеётся, стонет и сопит изо всех дырок. Сосед-фронтвик, который прошел войну от первого до последнего дня. Свой правый глаз и левую ногу он потерял на войне во имя победы. Табуретка, на которой он сидит играя, от избытка эмоций ходит под ним ходуном. Каждый вечер в одно и то же время перед заходом солнца этот пожилой человек выходит во двор и рвёт гармошку, которая вместе с ним прошла всю войну от звонка до звонка. На ней не хватает кнопок, меха пропускают воздух, пальцы уже не слушаются, но эта гармошка всё же еще при нём. После того, как его невеста не дождалась его с войны, он никогда не женился. Со временем его соседями стали переселённые немцы. Они до войны жили в соседнем селе. Он против них ничего не имел, и они хорошо понимали друг друга. Вот так он и жил со своей спутницей гармошкой в этой старой хижине, которая тоже знала лучшие времена и ей можно было лучшего пожелать. Но эта горсточка жизни, казалось, была довольна своим существованием. Только жалобный стон гармошки выдавала, что в груди его, глубоко внутри, всё ещё скрывается боль.

Бабушка иногда приносила ему что-нибудь варёное или печёное. Война не сделала их врагами, хотя оба они от неё жестоко пострадали. А сейчас на старости лет им нечего делить, разве что забор, который разделяет их дворы. А в прошлое, короткое ли или далёкое, каждый идёт своей дорогой.

„Бабушка, где мой пистолет? – спрашивает, пробегая внук. – Я его вчера из ветки вырезал, а сейчас не могу найти.“ (Недалеко стоят «маленькие бандиты», как называет друзей внука бабушка, они ждут его). „Зачем тебе?“ – говорит старушка уже ему вслед. „Мы хотим в войну поиграть“, – кричит он ей, и убегает...

„Не дай Бог, тихо выдыхает она, пусть это всегда игрой останется, чтоб вам не пришлось... – вдруг замолкает, только подбородок её мелко трясётся, зажмуривая глаза.

Пурпурно-красный закат уходящего солнца, как знамя всем живущим на земле, пылало краской страданий, краской боли за искалеченные человеческие судьбы. Оно уходило за горизонт, чтобы там переродиться в рассветное зарево, для новой для нас жизни, на новой земле, в новой стране, именуемой исторической Родиной наших предков.

Tatjana Klassner, Bielefeld